

Е Мяня передёрнуло под этим пристальным, изучающим взглядом. Он зябко повёл плечами:

— Ты чего так вылупился?

Он нахмурился. В гостиной было слишком темно. Е Мянъ хотел выключить телевизор, но пульта нигде не видел — скорее всего, тот остался у Чэн Ляна.

Этот хитрый паршивец явно замышлял недоброе, подсовывая ему такое кино.

— Всё, хватит. Спать пора.

Стоило ему подняться, как его грубо дёрнули назад, и он повалился прямиком на чужие колени.

Чэн Лян сразу же обхватил его руками за талию. Он медленно, требовательно поглаживал его сквозь тонкую ткань домашней одежды, прощупывая упругое тело. Мышцы были плотными, но кожа под пальцами казалась на удивление чувствительной.

Е Мянъ попытался оттолкнуться и встать, но рука соскользнула, упёршись в крепкое бедро Чэн Ляна, отчего он навалился на него ещё сильнее. Прикосновения к бокам дико щекотали. Если бы не глухое оцепенение, Е Мянъ, наверное, уже всюю хохотал бы.

Он ткнулся лбом Чэн Ляну в живот. Тот негромко, как-то интимно кряхтнул и тихо усмехнулся:

— М-м? Брат Мянъ?

В голове у Е Мяня на миг воцарилась полная каша. Как они вообще докатились до такого?

— Чэн Лян, жить надоело? — яростно прошептал он. — Руки убрал, быстро! Только попробуй ещё раз коснуться — прибью. А ну пусти!

В темноте угадывался лишь смутный силуэт. Е Мянъ не видел лица Чэн Ляна, но был уверен: тот сейчас лыбился во всю свою наглую физиономию.

Поскольку ладони с талии убирать никто не собирался, Е Мянъ упёрся Чэн Ляну в плечи и с силой вжал его в диван. Дальше пошла привычная потасовка — Е Мянъ не собирался позволять этому наглецу доминировать. Он не был из робкого десятка: несколько раз ощутимо пнул Чэн Ляна по рёбрам, пока тот не перехватил его ноги.

Они возились на диване, свирепо катаясь туда-обратно: то Е Мянъ оказывался сверху, то Чэн Лян прижимал его к подушкам. Е Мянъ по-настоящему завёлся и лупил соперника в полную

силу. Чэн Лян поначалу лишь уворачивался и защищался, но вскоре тоже включился в драку. Этот парень дрался слишком напористо — приходилось отвечать силой на силу.

В пылу борьбы кто-то навалился на пульт. Экран погас, комната погрузилась в полную темноту, если не считать едва заметного мерцания оплывающей свечи. Без отвлекающих вспышек телевизора каждый шорох, каждое тяжёлое, рваное дыхание зазвучали пугающе отчётливо.

Их возня — бесконечные перекаты, смена позиций, тяжёлые вздохи — до безумия напоминала сцены из того самого фильма, который они только что смотрели.

— Ах ты ж сука, — процедил сквозь зубы Е Мянью, наваливаясь сверху. — Только дёрнись ещё раз. Я тебя сегодня на колени поставлю, дедом звать будешь!

Он наотмашь влепил Чэн Ляну ладонью по спине и попытался высвободить ногу, но тот крепко удерживал его, не давая подняться. Е Мянью рванулся сильнее. Перехватил инициативу, прижал Чэн Ляна к дивану и попытался вцепиться ему в волосы, но те были слишком короткими и жёсткими — пальцы соскальзывали. Бросив эту затею, он схватил Чэн Ляна за шею, но тот увернулся. Е Мянью провел пальцами по подбородку, заставив его повернуть голову.

В темноте ничего не было видно.

— Сходишь с ума — сходи в одиночку, меня не впутывай! — тяжело дыша, выпалил Е Мянью. — Чэн Лян, мне плевать, какой ты там ориентации. Но запомни раз и навсегда: я не такой. Слышишь меня? Я нормальный!

Чэн Лян замер под ним, прекратив сопротивление. Но Е Мянью всё ещё был напряжён как струна, готовый в любую секунду отразить новый выпад.

— Да, знаю, — тихо отозвался Чэн Лян.

— Ни хрена ты не знаешь! — зло огрызнулся Е Мянью. — Откуда тебе знать?

— Когда ты смотрел... почувствовал что-нибудь? Ну, в те моменты, в постели?

Е Мянью поразились тому, как спокойно и буднично этот парень говорит о таких вещах.

— Ничего я не почувствовал. И не почувствую. Ни сейчас, ни потом.

Смотреть, как двое мужиков трутся друг об друга — какое тут вообще может быть удовольствие? Он натурал.

— Я тоже ничего не почувствовал, — вдруг совершенно серьёзно произнёс Чэн Лян. Он лежал на диване, тяжело дыша после драки. На лбу выступили капли пота. — Вообще ничего. Честно говоря, даже скучно стало.

Все эти мужские обьятия, страсти, драмы...

— Просто хотел проверить. Понять, есть ли разница. Но, похоже, ничего особенного. Я смотрел порнуху с девчонками — ноль эмоций. Теперь посмотрел это — тоже ничего. Хотел убедиться.

В наступившей тишине его голос звучал на удивление мягко и глубоко. Е Мянь невольно заслушался и понемногу успокоился. Напряжение спало. Он сполз с Чэн Ляна и устроился рядом на диване.

— Ну и как? Убедился?

— Ага, — глухо отозвался Чэн Лян. — Я больной.

— Ну так сходи к врачу, подлечись.

Они замолчали. Несколько минут в гостиной слышалось лишь их прерывистое, постепенное выравнивающееся дыхание.

Наконец Е Мянь не выдержал:

— Так ты... кто?

— Не знаю.

— Ясно.

Е Мянь ждал, что Чэн Лян спросит его в ответ, но тот промолчал. А если бы спросил, что бы он сказал?

"Я натурал"? Или "Тоже не знаю"?

Ведь если подумать, слова Чэн Ляна попали в цель. Е Мяню тоже не нравились ни парни, ни девушки. Но традиционное воспитание упорно твердило, что он нормальный мужчина. Просто сейчас такой возраст — гормоны бушуют, а у него к девчонкам никакого интереса.

Ему уже шестнадцать. Смешно сказать, но по утрам на его простынях никогда не оставалось тех самых характерных белых следов. Вообще никогда. После признания Чэн Ляна ему и

самому стало казаться, что с ним что-то не так.

Никаких кумиров, никаких девчонок мечты. Он, конечно, смотрел видео для взрослых, как все парни. Помнил, как его прежние приятели бурно обсуждали подробности и тайком баловались под одеялом. Е Мянъ же смотрел на экран с абсолютным равнодушием. Не испытывал ни отвращения, ни возбуждения — словно документалку про дикую природу листал.

Правда, чтобы не казаться белой вороной, после каждого такого сеанса он тоже демонстративно уходил в туалет. Только пока другие "спускали пар", он просто закрывался в кабинке, выкуривал сигарету и листал ленту в телефоне, выжидая приличное количество времени, чтобы никто ничего не заподозрил.

В спальне свет работал исправно. Е Мянъ вытащил из шкафа запасное одеяло и плед, бросив их Чэн Ляну.

— Раз уж ты привык спать на жёстких школьных койках, то не смей жаловаться, что пол твёрдый.

Он кивнул на место в ногах кровати, но Чэн Лян наотрез отказался укладываться там. Молча перетащил постель и устроился прямо сбоку, у самого края матраса.

Е Мянъ спорить не стал. Улёгся, укрылся и предупредил:

— Ночью спи смирно и без фокусов. Понял?

Чэн Лян, уже устроившийся на полу, подложил под голову подушку и уставился на люстру.

— Что ты называешь фокусами?

Его длинные ноги были небрежно вытянуты, а одна ступня бесцеремонно покоилась на деревянном каркасе кровати.

— Лежи на своём месте и не смей ко мне лезть. Попробуешь подняться — вышвырну на улицу, будешь спать в переулке с бродячими собаками.

Чэн Лян лишь тихо и беззаботно усмехнулся. Границы Е Мянъ рушились одна за другой: сначала он клялся, что не пустит его даже на порог спальни, а теперь они уже спят в одной комнате. Пусть один на полу, но, считай, почти вместе.

— Выключай свет и спать, — скомандовал Е Мянъ.

Чэн Лян послушно поднялся и щёлкнул выключателем.

Темнота сгустилась, но Е Мянью так и не смог сомкнуть глаз. Он лежал, уставившись в потолок, и то и дело ворочался с боку на бок. Аура Чэн Ляна ощущалась слишком остро. Стоило закрыть глаза, как в голове всплывала мысль: прямо здесь, у его кровати, лежит другой человек. И эта мысль никак не давала расслабиться.

В комнате стояла оглушительная тишина. Парень на полу, кажется, уже уснул — дышал ровно, глубоко, не шевелясь.

Время близилось к полуночи. Для Е Мянью, который обычно не ложился раньше часа-двух ночи, такая бессонница была делом привычным. Он достал телефон, приглушил яркость и решил почитать что-нибудь занудное, чтобы поскорее уснуть. Наткнулся на какую-то статью про бизнес и принялся лениво скользить глазами по строчкам в слабом свете экрана.

— Сделай поярче.

— Ты чего не спишь? — Е Мянью от неожиданности включил фонарик.

— Не спится, — отозвался Чэн Лян, прикрывая глаза ладонью. — А в темноте в телефон залипать — зрение сажать.

— Понятно.

— Раз уж обоим не спится, давай поболтаем, — предложил Чэн Лян.

— О чём?

— Да вот всё думаю... Почему ты перевёлся именно сюда? Бросил прежнюю жизнь, друзей, приехал один в эту глухомань.

Ответ Е Мянью был прост: он хотел сжечь мосты. Семьи у него толком не было, а те, кого он считал друзьями, оказались обычными собутыльниками. Терять было нечего. Да и Биньян не был совсем уж чужим — в детстве он приезжал сюда на каникулы к родственникам.

Хотя к местной школе привыкал тяжело. Поначалу всё дико раздражало, он чувствовал себя чужаком среди ребят, которые знали друг друга чуть ли не с детского сада. Но со временем обжился, притёрся. Жить можно.

— А ты? — поделившись своей историей, Е Мянью повернулся на бок и заглянул вниз.

Чэн Лян горько усмехнулся:

— Помнишь, когда ты меня вытащил в первый раз? Я ведь не врал, что не собирался прыгать.

— Помню, — кивнул Е Мян. За время их знакомства он успел понять, что Чэн Лян точно не из тех, кто решится на самоубийство.

— Если бы я остался дома, это дерьмо продолжалось бы бесконечно.

Е Мяню показалось, что в комнате стало холоднее. По спине пробежал лёгкий сквозняк.

— Твои родные... им вообще наплевать?

— Никто мне не верит. Да и сил бороться с ними у меня тогда не было. Каждый день как на пороховой бочке — сплошные интриги, подставы, покушения.

Такое Е Мян видел разве что в криминальных сериалах.

— Семейные разборки богачей? Борьба за наследство?

— Вроде того. Семейка у меня... дремучая. У отца несколько жён. Живут все вместе в усадьбе в горах, нравы там средневековые. Я, получается, сын наложницы. Бизнес у них огромный, но я даже толком не знаю, чем они промышляют. Кажется, какими-то тёмными делишками, оккультизмом всяким.

Сам Чэн Лян в эти дела никогда не лез — мечтал только вырваться оттуда. Е Мян слушал затаив дыхание. От услышанного веяло каким-то диким сюрреализмом.

— Охренеть... Несколько жён? И закон это позволяет?

— Обходят систему. Официально расписан он только со старшей женой, остальные просто живут приживалками. Вся эта орава ютится в одном месте, общаются, чай пьют, в карты играют.

"Ну и дичь", — подумал Е Мян. На дворе ведь двадцать первый век, две тысячи восемнадцатый год. Чем больше Чэн Лян рассказывал о своём скрытом от посторонних глаз мире, тем сильнее у него пропадал сон.

— И что теперь? Они тебя и здесь найдут? Не боишься? Может, тебе охрану нанять?

— Я уехал на их условиях, — спокойно ответил Чэн Лян. — Так что открыто они действовать не

станут, им лишний шум не нужен.

Выжить в таком змеином гнезде и остаться нормальным — задача не из лёгких. Е Мянью невольно сравнил свои проблемы с бедами Чэн Ляна. Развод родителей, измены... Раньше ему казалось это трагедией всей жизни, а теперь показалось детским лепетом. Хотя предательство близких всё равно оставалось предательством. Но многожёнство и покушения на убийство в реальной жизни — это за гранью.

— Твоя семья... они вообще из какого века вылезли? — спросил Е Мянью.

— Сам не знаю. Народу там тьма. Это не обычные родственники, которые видятся раз в год на праздники. У нас все живут под одной крышей. Мужчинам ещё дают свободу — разрешают носить нормальные костюмы, работать в городе. А вот женщинам не позавидуешь. Из дома почти не выпускают, заставляют носить ципао, внушают, что муж — это господин и повелитель...

...

Е Мянью вдруг стало не по себе. Он покрепче натянул одеяло, почуввав опасность.

— Слушай, а меня после этих откровений не грохнут? Как нежелательного свидетеля?

Чэн Лян негромко рассмеялся:

— Не бойся, мы всё-таки в правовом государстве живём. Своих они грызть могут, но чужих трогать побоятся — сразу полиция нагрянет, шумиху поднимет. У тебя ведь есть близкие, которые станут тебя искать. А со мной... На том мосту не было камер. Если бы я утонул, это списали бы на несчастный случай.

Возможно, в семье и провели бы формальное расследование, но кому сдался сын наложницы? В этой усадьбе детей как грязи.

У Е Мян्या внутри всё заледенело. Он натянул плед до самого подбородка, не зная, что ответить. Он никогда не умел сочувствовать и подбирать нужные слова.

— Чэн Лян... ты это... держись. Прорвёшься. Всё нормально будет.

Чэн Лян приподнялся и опёрся локтем о край его кровати:

— Обязательно. Я ещё всех их переживу.

И заживёт так, как сам захочет. С тем, кто ему дорог.

Под утро Е Мяню приснился странный, пугающий сон.

Будто он сидит со своими старыми приятелями и смотрит порнуху. Но внезапно кадры сменились, и на экране вместо парня и девушки оказались двое мужчин. Но самое жуткое — лица этих мужчин были безумно похожи на его собственное и Чэн Ляна. И сам Е Мянь почему-то занимал в этой сцене весьма недвусмысленную, пассивную позицию.

Потрясённый, он повернулся к другу, чтобы спросить, что за чертовщина происходит, но вместо приятеля рядом сидел Чэн Лян. Тот ласково улыбался и прямо на его глазах медленно снимал одежду.

А в следующий миг Е Мяня накрыло чужое тяжёлое тело. Всё происходило в точности как в том дурацком фильме. Он пытался вырваться, кричал, но тело его не слушалось, словно налитое свинцом. В конце концов он лишь жалобно скулил, бессильно кусая Чэн Ляна за плечо.

Е Мянь резко распахнул глаза и сел на кровати, тяжело, загнанно дыша. Лоб и спина были мокрыми от пота. Кондиционер работал на приятных двадцати четырёх градусах, а его колотило как в лихорадке.

Но самое страшное случилось секундой позже. Он почувствовал, как по бедру медленно стекает что-то тёплое и липкое.

"Неужели описался?!"

Нет, чёрт! Осознание ударило в голову обухом. Это было вовсе не золото полуночи, а то самое. Какая дикая, позорная нелепость. Слава богу, Чэн Лян спит и ничего не видит.

Е Мянь нащупал телефон, чтобы проверить время. Тусклый свет экрана выхватил из темноты фигуру Чэн Ляна. Тот каким-то образом умудрился перебраться с пола на кровать и теперь мирно спал на самом краю матраса.

Е Мянь вздрогнул, но парень даже не пошевелился. Стараясь не шуметь, чтобы не выдать свой позор, он замер. Было около четырёх утра.

Он подождал несколько минут, пока бешено колотящееся сердце успокоится, а дыхание выровняется. Остаться в испачканном белье было невыносимо.

Е Мянью осторожно, стараясь не издавать ни звука, выскользнул из-под одеяла. На цыпочках подошёл к шкафу, выудил чистые трусы и бесшумно шмыгнул в ванную.

В этот момент парень на кровати медленно приоткрыл глаза. Он поднёс ладонь к лицу и тихо, торжествующе усмехнулся в темноту.

Поскольку время было глухое, Е Мянью просто бросил испачканное бельё в корзину для стирки, решив разобраться с этим утром. Возвращаясь в комнату, он ступал осторожно, как вор на месте преступления. Чэн Лян по-прежнему спал без задних ног. Е Мянью забрался под одеяло, устался в темноту и незаметно для себя снова уснул — на этот раз глубоко и без сновидений.

Утром привычный будильник в голове сработал в шесть, но, вспомнив, что сегодня выходной, Е Мянью с чистой совестью уткнулся носом в подушку. Окончательно он проснулся только в начале десятого.

Сладко зевнув, он потянулся и обнаружил, что Чэн Ляна в комнате уже нет. Постель на полу тоже исчезла. В шкафу аккуратно лежали убранные одеяла, а плед был сложен ровным квадратом на тумбочке.

"Надо же, какой аккуратный", — мысленно усмехнулся Е Мянью.

Он поплёлся в ванную умываться. На раковине его ждал стакан, доверху наполненный тёплой водой, а сверху лежала зубная щётка с ровной полоской выдавленной пасты. Рядом белела записка: «Зубная паста уже на щётке. Не благодари».

Е Мянью фыркнул, но спорить не стал и принялся лениво чистить зубы. Закончив с утренними процедурами, он вспомнил про ночную аварию и решил наконец постирать бельё.

Он подошёл к корзине, заглянул внутрь... и оцепенел.

Где его трусы?

Он точно помнил, что бросил их именно сюда. Спутать с чем-то или выкинуть в полусне он не мог. Куда они делись?

Внезапная догадка заставила его похолодеть. Е Мянью рванул на балкон и распахнул дверь.

На бельевой верёвке, слегка покачиваясь от ветерка, висели его ночные боксёры. Он потрогал ткань — почти высохли.

— Твою мать! — вырвалось у него.

Кто-то их постирал. И это явно был не он сам.

Оставался только один вариант. Чэн Лян. Этот придурок вручную выстирал его грязное бельё?! Он что, совсем больной на голову?! Мало того, что это само по себе дико, так на них ещё и красовались неопровержимые улики его ночного позора! И тот всё это видел и трогал руками!

У Е Мянэ вспыхнули уши.

Пыша гневом и смущением, он вылетел в коридор. В этот момент Чэн Лян как раз выходил из кухни, бережно неся в руках кастрюлю с дымящейся рисовой кашей.

Е Мянэ преградил ему дорогу и выпалил без обиняков:

— Чэн Лян, блядь! Ты зачем мои трусы постирал?!

Парень даже бровью не повёл. Спокойно обошёл его и поставил кастрюлю на стол.

— Постирал. Доброе утро. Раз уж проснулся, садись завтракать.

Е Мянэ подскочил к нему и мёртвой хваткой вцепился в запястье:

— Ты мне зубы не заговаривай! Какого хера ты творишь?!

Чэн Лян удивлённо склонил голову набок, словно искренне не понимая причин такой бурной реакции:

— Да ладно тебе. Увидел в корзине грязную вещь, ну и помог постирать.

Е Мянэ немного успокоился и с надеждой спросил:

— В машинке постирал?

— Нет, — невинно улыбнулся Чэн Лян. — Руками.